

·the big book·
ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

БЕН КЕЙН

ЗАБЫТЫЙ ЛЕГИОН

Санкт-Петербург

К. В. и Р. Ф. Г. с благодарностью

Красс на Евфрате орлов, и сына, и войско утратил,
И наконец восприял сам он печальную смерть.
«Что ликовать вам, парфяне? — сказала богиня. — Знамена
Вы нам вернете, и Красс Цезарем будет отмщен!»

Овидий. Фасты
(Перевод Ф. Петровского)

Плиний Старший рассказывает в «Естественной истории», что римляне, уцелевшие после битвы при Каррах в 53 г. до н. э., отправили в Маргиану.

Эти земли, располагавшиеся на территории современного Туркменистана, отстоят на полторы с лишним тысячи миль от места, где этих людей взяли в плен. За всю историю Рима мало кто из его граждан забирался так далеко на восток, как эти десять тысяч легионеров, присланных охранять границу империи.

Но их история на этом не заканчивается.

В 36 г. до н. э. китайский историк Бань Гу писал, что пехотинцы войска Чжичжи, хуннского князя, владельца крепости на Великом шелковом пути (современный г. Тараз в Казахстане), сражались строем, «подобным рыбьей чешуе». В китайской литературе этот термин больше не встречается; многие историки склоняются к мнению, что он обозначает стену щитов. В те времена такую тактику использовали только римляне и македонцы. Однако из-под власти наследников Александра Великого, Селевкидов, эти земли ушли более чем за сто лет до описываемых событий. Интересно также, что эта битва состоялась спустя всего 17 лет после сражения при Каррах и менее чем за пятьсот миль от границ Маргианы.

Восточнее, в Китае, расположено современное поселение Личан. Происхождение его названия точно не установлено, но ученые считают, что оно было основано между 79 г. до н. э. и 5 г. н. э. под названием Ли-чжень, означающим на древнекитайском языке «Рим». Необыкновенно большое количество его теперешних

ЗАБЫТЫЙ ЛЕГИОН

жителей имеют типично европейскую внешность — светлые волосы, носы с горбинкой и зеленые глаза. В настоящее время в местном университете идет изучение проб ДНК, которое поможет установить, являются ли эти люди потомками десяти тысяч римлян, двинувшихся в свое время от Карр на восток и дальше — в историю.

Воинов забытого легиона.

ПРОЛОГ

Рим, 70 г. до н. э.

Шел гора ундецима — одиннадцатый час, — и широко раскинувшийся город утопал в алом свете заката. Легкий бриз всколыхнул воздух меж тесно прижавшимися друг к другу зданиями, принося облегчение жителям, страдавшим от душной летней жары. Люди вышли из домов и квартир, чтобы, закончив дневные дела, поболтать возле лавок или выпить стоя в открытых уличных тавернах. Торговцы, пронзительно крича наперебой, зазывали прохожих, у порогов под бдительными взглядами матерей играли дети. Откуда-то из центра, от Форума, доносились ритмичные звуки храмового пения.

Это был мирный, спокойный час, но в переулках и маленьких двориках тени уже удлиннились. Высокие каменные колонны и статуи богов закрывали и рассеивали свет солнца, отчего улицы постепенно обретали серый, а затем и темно-серый цвет, утрачивая дневное дружелюбие. Дольше всех купались в лучах заката семь холмов, образующих сердце Рима, а потом на столу опускалась тьма.

Несмотря на время, Римский форум был заполнен народом. На расположенной между храмами и Сенатом базилике — гигантском крытом рынке — толпились лавочники, прорицатели, юристы и писцы, предлагавшие свои товары или услуги. Было уже поздно, но все равно кто-нибудь желал написать завещание, узнать свою судьбу, вчинить врагу судебный иск. Расхаживали разносчики, пытаясь продать фруктовый сок, уже давно нагревшийся на жаре. Политики, допоздна засидевшиеся в Сенате, спешили наружу, неохотно останавливаясь и вступая в разговор, только если ускользнуть от назойливого собеседника было вовсе невозможно. Рабы, увлеченные играми на расчерченных для этой цели ступенях, завидев своих хозяев, поспешно

вскакивали на ноги. Страшась ударов кнута по обожженным на солнце плечам и спинам, они подхватывали носилки и уносили их прочь.

На ступенях храма осталась лишь горстка нищих, привыкших ко всему и никогда не терявших надежды на подавание. Среди них были увечные, но не утратившие гордости ветераны легионов — непобедимой армии, принесшей республике богатство и всемирную славу. Они донашивали остатки форменной одежды — кольчуги, в которых ржавчины было уже больше, чем железа, и коричневые военные туники, не разваливавшиеся на клочки лишь благодаря множеству заплат. За медную монетку они могли развлечь вас военными рассказами о пролитой крови, отрубленных руках и ногах, друзьях, похороненных в чужой земле.

Все во славу Рима.

На Бычьем форуме, где, несмотря на быстро спускавшуюся темноту, все еще торговали скотом, тоже кипела жизнь. Нераспроданные животные ревели от жажды и духоты; овцы и козы, напуганные запахом крови из близлежащей мясной лавки, сбивались в кучи. Их хозяева — небогатые окрестные крестьяне — готовились отогнать животных на ночной выпас за городские стены.

Признаков надвигающейся ночи не замечали и на Овощном форуме — вокруг прилавков со снедью толкались покупатели, аромат свежих дынь, слив и персиков смешивался с запахом восточных пряностей, свежей рыбы и не раскупленного за день хлеба. Пытаясь распродать фрукты и овощи, торговцы предлагали скидку каждому, с кем встречались взглядом. Болтали между собой плебейки, закончившие делать покупки и спешившие в храм, чтобы вознести короткую молитву. Рабы, посланные за продуктами для организованного в последнюю минуту пиришества, ворчали в спускавшихся сумерках.

Но те, кого ночь застигла вдали от этих многолюдных мест, спешили поскорее укрыться за надежными стенами своих домов. Ни один здравомыслящий римлянин не хотел оказаться на улице после захода солнца, особенно в мрачных переулках, разделявших инсуле — тесные многоквартирные дома, где обитало большинство граждан. Темные ночные улицы населяли лишь воры и убийцы.

ГЛАВА I

ТАРКВИНИЙ

Северная Италия, 70 г. до н. э.

Ворон вспрыгнул на голову дохлого ягненка и уставился на Тарквиния. Птицу и человека разделяли добрых пятьдесят шагов. Ворон насмешливо каркнул и ударил мощным клювом в открытый глаз. Ягненок пал не более трех дней назад, но горные волки успели почти дочиستا обглодать хрупкие кости.

Тарквиний наклонился, поднял камушек и вложил его в пращу. Худой и светловолосый, он носил свободную тунику до середины бедер, перехваченную на талии, и был обут в крепкие сандалии.

— Пожалей птицу. Не он же зарезал ягненка. — Олиний Эзар снял поношенную кожаную шапку и расправил примявшийся верх. — Ворон лишь доедает остатки.

— Не нравится мне, что он глаза клюет. — Готовясь метнуть камень, Тарквиний начал медленно раскручивать кожаный ремень.

Олиний молчал. Прикрыв рукой глаза от солнца, он долго разглядывал облака и канюка, парившего на раскинутых крыльях в потоках теплого воздуха. Держа камень в руке, Тарквиний терпеливо наблюдал за стариком. С тех пор как несколько лет назад прорицатель взял его в ученики, молодой этруск научился обращать внимание на все, что тот говорил и делал.

Наконец Олиний пожал костлявыми плечами под грубым шерстяным плащом:

— Сегодня не самый лучший день для убийства священной птицы.

— Почему же? Что нынче за день? — Тарквиний со вздохом опустил пращу.

— Валяй, мальчик. — Улыбка Олиния привела Тарквиния в бешенство. — Поступай как знаешь. — Он указал рукой в сторону ворона. — Это твой путь, и только твой.

— Я не мальчик. — Тарквиний нахмурился и выкинул камушек. — Мне двадцать пять!

Он нахмурился было, затем пронзительно свистнул и взмахнул рукой. Лежавший рядом с ним черно-белый пес сорвался с места и, описывая широкую дугу, побежал вверх по крутому склону в сторону кучки овец и коз, щипавших в отдалении короткую траву. Животные заметили его и стали взбираться еще выше по склону.

Ворон закончил трапезу и сорвался с места, громко хлопая крыльями.

Тарквиний злобно проводил его глазами:

— Вот проклятая птица! Почему ее нельзя убить?

— Под нашими ногами то, что осталось от храма Тинии — могущественнейшего из наших богов... — Для пущего эффекта Олиний сделал паузу.

Тарквиний глянул под ноги и заметил красную глиняную плитку, выступавшую из земли.

— И канюков над нами ровно двенадцать.

Глаза Тарквиния обшарили небо, пересчитывая птиц.

— Почему ты всегда говоришь загадками?

Олиний постучал по расколотой плите своим литуусом — коротким посохом, загнутым на конце.

— Сегодня такое случается уже не впервые.

— Я знаю, что двенадцать для нашего народа — священное число, — сказал Тарквиний, глядя на пса, послушно сгонявшее стадо в их сторону, — но при чем здесь ворон?

— За это утро ягненок был двенадцатым.

Тарквиний быстро подсчитал в уме.

— Но ведь про того, что в канаве, я тебе не говорил, — удивленно заметил он.

— И ворону захотелось поесть как раз на том месте, где раньше приносились жертвы, — загадочно добавил гаруспик¹. — Лучше оставить его в покое, не находишь?

¹ *Гарустик* — в Этрурии и Древнем Риме жрец, гадавший по внутренностям жертвенных животных и толковавший явления природы.

Тарквиний помрачнел, расстроенный тем, что не смог первым заметить канюков и связать их количество с этим местом. Он был слишком занят мыслями о волках, убивавших скотину.

Пора было идти на охоту, завалить нескольких из них. Руф Целий, его строгий и очень вспыльчивый хозяин, терпел эти экскурсии лишь потому, что мог потом расспросить Тарквиния об Олинии и своих стадах. Вряд ли аристократа обрадовало бы известие о продолжающихся потерях скота, и Тарквиний страшился возвращения в латифундию — огромное поместье Целия, обосновавшееся у подножия горы.

— Как ты узнал про ягненка в канаве?

— Чему я столько лет учил тебя? Все замечать! — Олиний повернулся и обвел взглядом то, чего здесь давно уже не было. — Вон там располагался центр могущественного города Фалерии. До его священной границы, которую Таркун, основатель Этрурии, провел бронзовым плугом, отсюда чуть больше мили. Четыреста лет назад на том месте, где мы стоим, было полным-полно этрусков, живших самой обычной жизнью.

Тарквиний попытался представить себе все, о чем ему так много раз рассказывал гаруспик: величественные здания и храмы, опекаемые девственными весталками, широкие улицы, замощенные плитами застывшей лавы. Он представил орущую толпу, наблюдавшую за кулачным боем, скачками и гладиаторскими боями. Благородных граждан, чествующих венками победителей соревнований и сидящих во главе стола на пирах в больших праздничных залах...

Его взор прояснился. От Фалерий, одной из жемчужин Этрурии, осталось несколько поваленных колонн и несметное множество осколков черепицы. От безвозвратно погибшего города его мысли в который раз обратились к дому. За годы общения с гаруспиком он понял, что история его народа была преисполнена боли.

— Получается, что они и жизнь нашу присвоили? — Тарквиний зло сплюнул. — Римская цивилизация все переняла у этрусков.

— Вплоть до трубных сигналов, возвещающих начало церемоний и боевых маневров, — с кривой улыбкой добавил Олиний. — Они забрали все, но сначала уничтожили нас.

— Шлюхины дети! Кто дал им такое право?

— Так было предопределено небесами, Тарквиний. Ты сам об этом знаешь. — Олиний внимательно посмотрел на молодого человека и перевел взгляд на вид, открывавшийся с горы на юго-восток. Озеро у подножия горы так сверкало, отражая солнечные лучи, что глазам было больно на него смотреть.

— Мы с тобой в остановившемся сердце древней Этрурии, — улыбнулся он. — У наших ног Вадимонское озеро, под нашими ногами — фундаменты священного города.

— Мы едва ли не последние чистокровные этруски на земле, — с горечью сказал Тарквиний.

После того как римляне завоевали их земли, покорили и ассимилировали их народ, лишь немногие этруссские семьи продолжали заключать браки только со своими соплеменниками. Его семья была как раз из таких. И из поколения в поколение древние тайны и ритуалы передавались от одного гаруспика к другому. Олиний был одним из звеньев этой длинной цепи, что протянулась далеко в прошлое — до дней славы и мощи этрусков.

— Такова уж наша судьба — оказаться покоренными, — ответил Олиний. — Не забывай, что на том месте, где много лет тому назад был заложен первый камень в фундаменте храма...

— ...в земле нашли кровотокающую голову.

— Мой предок, Кален Олиний Эзар, истолковал это знамение, предсказав, что один народ будет править всей Италией.

— И ошибся. Посмотри, что от нас теперь осталось! — выкрикнул Тарквиний. — Наша жизнь лишь немногим лучше рабской доли.

Этрусков, обладавших политической мощью или влиянием, практически не осталось, большинство были бедными крестьянами или же, как Тарквиний и его родня, трудились в больших поместьях.

— Кален был лучшим гаруспиком за всю нашу историю. Никто не умел предсказывать по печени так, как он! — Взволнованный Олиний рубанул воздух мозолистой рукой. — Он знал то, что этруски все это время не могли или не хотели понять. Наши города никогда не заключали союзов между собой, и вот Рим поднялся настолько, что разгромил нас поодиночке. И пускай на это потребовалось более ста пятидесяти лет, но предсказание Калена в точности сбылось.